

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75

Научная статья / Research paper

О.Н. Юдина*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РОССИЯ–ЕС В 2000–2014 ГГ.: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ, ЭТАПЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Взаимодействие в сфере энергетики традиционно составляло одну из несущих опор в отношениях Европейского союза и России. Особую роль в рамках этого сотрудничества играли механизмы Энергетического диалога, действовавшего в период с 2000 по 2014 г. В данной статье на основе последовательного критического анализа официальных документов принята попытка выявить внутренние и внешние детерминанты развития Энергетического диалога Россия–ЕС, оценить общую логику и динамику его эволюции, а также ключевые результаты. Автор заключает, что безусловным локомотивом первых пяти лет работы Энергодialogа выступал Европейский союз, который стремился не только гарантировать надежность поставок российских энергоресурсов по приемлемым ценам, но и взять под контроль их добычу и транспортировку. Сопоставление положений Договора к Энергетической хартии и ключевых направлений работы Энергодialogа Россия–ЕС позволило выявить еще одну задачу, которую ставил перед собой Евросоюз: навязать Москве принципы общеевропейской энергетической политики, что натолкнулось на решительное сопротивление российского руководства. С 2006–2007 гг. приоритеты сторон в энергетической сфере начали всё более явственно расходиться на фоне кардинальных изменений как во внутренней энергетической политике Москвы и Брюсселя, так и в положении России на международной арене. В этой связи менялись содержание и структура Энергодialogа: вопросы создания единого энергетического сообщества и энергорынков уходили на второй план, приоритетными становились проблемы стратегического планирования и развития механизма раннего предупреждения. Таким

---

* Юдина Ольга Николаевна — соискатель Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) (e-mail: lamp12@yandex.ru).

образом, к 2014 г., когда по инициативе ЕС ЭнергодIALOG фактически прекратил свою деятельность, в его работе уже наметились определенные кризисные тенденции. Тем не менее этот механизм позволил России приобрести большой опыт взаимодействия с Европейской комиссией как наднациональным органом ЕС, и этот опыт может оказаться востребованным в будущем.

Ключевые слова: ЭнергодIALOG Россия–ЕС, Энергетический союз, Европейская комиссия, Энергетическая хартия, Договор к Энергетической хартии, энергоэффективность, энергетическая безопасность, энергетический переход

Для цитирования: Юдина О.Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75.

Olga N. Yudina

**RUSSIA–EU ENERGY DIALOGUE IN 2000–2014:
KEY PRIORITIES, STAGES, CONTRADICTIONS,
AND OUTCOMES**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

Energy cooperation was one of the cornerstones of the European Union–Russia relations and, in turn, was, to a large extent, shaped by the progress of the EU–Russia Energy Dialogue, which developed from 2000 to 2014. On the basis of a consistent critical analysis of official sources, the paper identifies internal and external determinants of the Russia–EU Energy Dialogue and assesses its general logic and dynamics, as well as its key outcomes. The author concludes that in the first five years of the Energy Dialogue it was the European Union who acted as its driving force, as the EU sought not only to ensure the supplies of Russian energy resources, but also to take control over their production and transportation. A careful comparison of the Russia–EU Energy Dialogue key dimensions and the provisions of the Energy Charter Treaty allowed the author to identify yet another aim of the European Union, namely, to impose on Moscow the principles of a common European energy policy. However, these efforts encountered strong opposition from the Russian government. From 2006–2007 the conflict

of interests had become all the more evident, as considerable changes took place both in the internal energy policy of Moscow and Brussels and Russia's international position. As a result, the content and structure of the Energy Dialogue changed: discussions on the creation of a single energy community and energy markets were overshadowed by issues of strategic planning and development of an early warning mechanism. Therefore, by 2014, when the EU abandoned the Energy Dialogue, its potential had been to a large extent exhausted. Nevertheless, the Dialogue provided Russia with extensive experience in interacting with the European Commission as a supranational body of the EU, and this experience might be in demand in the future.

Keywords: Russia-EU Energy Dialogue, Energy Union, European Commission, Energy Charter, Energy Charter Treaty, energy efficiency, energy security, energy transition

About the author: *Olga N. Yudina* — PhD Candidate at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) (e-mail: lamp12@yandex.ru).

For citation: Yudina O.N. 2022. Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: Key priorities, stages, contradictions, and outcomes. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75. (In Russ.)

Вопросы развития энергетического сотрудничества России и Европейского союза в целом и Энергетического диалога как механизма, созданного сторонами в начале 2000-х годов, в частности неоднократно становились предметом рассмотрения как российских, так и зарубежных исследователей. Пик интереса к этой теме пришелся преимущественно на 2005–2010 гг., когда наблюдалась активная фаза как развития сотрудничества в рамках ЭнергодIALOGA, так и изменений в энергетических системах России и ЕС.

При этом тема взаимодействия Брюсселя и Москвы в энергетической сфере является очень многогранной. Не менее разнообразны и подходы экспертов к ее рассмотрению. Ряд исследователей анализируют развитие энергетического сотрудничества через призму совместных инфраструктурных проектов, оценивая их в том числе как фактор усиления взаимозависимости между Россией и ЕС в энергетической сфере [Dimitrova, 2010]. Современными авторами

также подробно изучена проблема взаимосвязи развития энергетического сотрудничества двух сторон с процессами интеграции и коммунитаризации, которые происходили внутри ЕС [Kustova, 2015; Бордачѳв, 2006]. Отдельное направление исследований в этой связи посвящено теме «экспорта» законодательства Евросоюза в Россию в рамках Энергодialogа [Романова, 2006]. Большое внимание в работах как отечественных, так и зарубежных экспертов, особенно после 2006 г., когда Россия представила международному сообществу свою концепцию глобальной энергетической безопасности, уделяется роли Энергетического диалога Россия–ЕС в ее обеспечении [Kaveshnikov, 2010; Locatelli, 2013; Stern et al., 2014].

С точки зрения темы данного исследования отдельного упоминания заслуживают работы, посвященные вопросам участия России в Энергетической хартии и ратификации Договора к ней [Goldthau, 2008; Конопляник, 2010]. Ряд ученых рассматривают ратификацию этого документа в прямой взаимосвязи с развитием Энергетического диалога Россия–ЕС [Городов, 2009]. В то же время анализ непосредственно самого этого механизма встречается достаточно редко [Kaveshnikov, 2010; Романова, 2013; Romanova, 2014]. При этом основное внимание уделяется внешним факторам, которые оказывали влияние на развитие Энергетического диалога.

Одним из немногих авторов, рассматривающих данный механизм, основываясь на его документальной базе, является британская исследовательница А. Хэдфилд. Однако в своей работе [Hadfield, 2008] она ограничивается кратким описанием основных положений первых семи обобщающих докладов и приходит к выводу, что Энергодialog находится на паузе.

Начиная с 2014 г. (после замораживания механизма Энергодialogа со стороны ЕС) официальные контакты между Россией и Европейской комиссией фактически прекратились и диалог по энергетическим вопросам шел преимущественно на двусторонней основе между Москвой и странами — членами ЕС. Этим прежде всего объясняется отсутствие значимых публикаций по данной проблематике в период с 2017 г. до настоящего времени.

В данной статье на основе последовательного критического анализа официальных документов, включая обобщающие ежегодные доклады, соглашения и меморандумы, предпринята попытка

выявить внутренние и внешние детерминанты развития Энергетического диалога Россия–ЕС, оценить общую логику и динамику его эволюции, а также проанализировать результаты работы за 14-летний период.

С учетом актуальной тенденции коммунитаризации энергетической политики в рамках ЕС, т.е. передачи полномочий в области энергетики с национального на наднациональный уровень, изучение опыта развития диалога с Европейской комиссией приобретает особую значимость. Текущие события, происходящие на международной арене, наглядно демонстрируют, что вести переговоры по энергетическим вопросам России предстоит в том числе и с «единым голосом ЕС» — Еврокомиссией. В этой связи представляется, что опыт взаимодействия с данным органом, накопленный в рамках ЭнергодIALOGA Россия–ЕС, может быть востребован в современных условиях.

Становление институционально-правовой базы энергетического сотрудничества России и ЕС

Россию и Европейский союз связывают десятилетия сотрудничества в энергетической области. Со времени первых проектов поставок природного газа из СССР в Западную Европу в конце 1960-х — начале 1970-х годов, вопросы энергетики не уходили с повестки дня. После распада Советского Союза России и Европе предстояло заново выстраивать институциональную, правовую и практическую базу для развития энергетического сотрудничества.

Первым документом, устанавливавшим рамки взаимодействия России и ЕС в новых геополитических реалиях, стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.¹ Именно на его основе происходило дальнейшее институциональное строительство для организации полноформатного взаимодействия по широкому спектру направлений.

---

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

В документе уделялось повышенное внимание вопросам развития энергетического сотрудничества, в частности подчеркивалось, что оно будет осуществляться на основании интеграции энергетических рынков в Европе. Стоит сразу отметить, что это положение прямо отсылало к политике Европейской комиссии, проводимой внутри союза, согласно которой формирование единых европейских энергетических рынков является ключевой целью деятельности ЕС в энергетической сфере.

Среди основных направлений сотрудничества были обозначены: разработка энергетической политики, модернизация энергетической инфраструктуры, совершенствование регулирования энергетического сектора, улучшение качества и безопасности энергоснабжения, повышение энергетической эффективности и охрана окружающей среды.

Важно отметить, что в базовом соглашении между Россией и ЕС также обозначалось намерение сторон содействовать сближению законодательств в энергетической области. История продемонстрировала, однако, что это намерение на практике не было реализовано, при этом ЕС пробовал действовать по той же схеме «экспорта» своей модели законодательства, которую он достаточно успешно применял в странах Восточной Европы [Копорьяник, 2009].

Следующий совместный документ России и Европейского союза по общим вопросам, принятый на уровне глав государств, был подписан только через 10 лет. В 2004 г. в связи с появлением новых членов в составе Евросоюза стороны подготовили Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС².

Этот документ интересен тем, что в нем зафиксированы весьма однозначные дружественные заявления Брюсселя в адрес Москвы касательно энергетического сотрудничества. В частности, в Совместном заявлении отмечалось, что стороны признают «первостепенную важность и растущий потенциал сотрудничества Россия–ЕС в сфере энергетики и по связанным с энергетикой вопросам в рамках энергетического диалога»³. Кроме того, Евросоюз подтвердил, что не

---

² Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС. 27.04.2004 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2004_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

³ Там же.

применяет каких-либо ограничений на импорт природного топлива и электроэнергии, а также признал важную роль долгосрочных контрактов в обеспечении стабильных и надежных поставок российского природного газа на рынок ЕС на текущий момент и в будущем.

Это заявление, сделанное на самом высоком уровне всего 16 лет назад, было уникальным по своей сути. Важно отметить, что столь позитивный настрой ЕС на диалог с Россией в энергетической сфере был продемонстрирован, когда у власти в Германии находился Г. Шрёдер, а во Франции — Ж. Ширак, которые были сторонниками развития крепких добрососедских отношений с Москвой.

В 2007 г. в связи с присоединением Болгарии и Румынии к ЕС было принято очередное Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация — Европейский союз⁴, но вопросы энергетики в документе не затрагивались.

Все эти межотраслевые документы высокого уровня определили ключевые приоритеты и задали векторы, по которым должно было развиваться взаимодействие между Россией и Европейским союзом в различных сферах общего интереса, включая энергетику.

Однако основным механизмом развития энергетического сотрудничества стал Энергетический диалог Россия — Европейский союз, созданный в 2000 г. по итогам встречи на высшем уровне в Париже с участием президента Российской Федерации В.В. Путина, председателя Европейского совета Ж. Ширака, генерального секретаря Совета ЕС, Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х. Соланы и председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди⁵.

На тот момент ЭнергодIALOG стал первым отраслевым механизмом в рамках сотрудничества России и ЕС, а также первым энергетическим диалогом Евросоюза с внешними партнерами, что подчеркивает как особый статус данного формата, так и значимость самого направления взаимодействия.

⁴ Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация — Европейский союз. 24.04.2007 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2007_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

⁵ ЭнергодIALOG Россия–ЕС // Министерство энергетики Российской Федерации. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/14646> (дата обращения: 19.04.2022).

Важно отметить, в каком политическом контексте был создан этот механизм. Для России 2000 г. стал прежде всего годом смены руководства страны, которое, как полагали в ЕС, продолжит курс предыдущего президента. В Европе этот год ознаменовался активизацией процессов, направленных на усиление наднациональной роли Европейской комиссии в вопросах энергетического сотрудничества и в конечном счете на формирование единой внешней энергетической политики ЕС [Пашковская, 2009].

В этом контексте создание Энергетического диалога с Россией, в котором ключевая роль принадлежала Европейскому союзу и соответственно Европейской комиссии, не только повышало субъектность ЕС, но и давало последней полномочия взаимодействовать с Россией по энергетическим вопросам от имени всей объединенной Европы.

Для создания полного представления о межотраслевых документах в рамках сотрудничества Россия–ЕС за период с 2000 по 2014 г., в которых так или иначе затрагивались энергетические вопросы, стоит отметить еще две инициативы. Первым таким документом является «Дорожная карта» по общему экономическому пространству, принятая в 2005 г.⁶ Само по себе подписание этого документа означало серьезное положительное изменение характера диалога между Россией и ЕС [Иноземцев, Кузнецова, 2005]. В нем были более детально представлены положения базового Соглашения 1994 г., в том числе в области энергетики.

Согласно «Дорожной карте» ключевой платформой для развития сотрудничества Брюсселя и Москвы признавался уже упомянутый ранее механизм ЭнергодIALOGA Россия–ЕС. Он предполагал взаимодействие по вопросам устойчивости, надежности и непрерывности производства, распределения и транспортировки энергии. Особый акцент в документе был сделан на сотрудничестве в области энергоэффективности, рационального природопользования и развития возобновляемых источников энергии.

Для достижения указанных целей предполагалось определить механизмы стимулирования и защиты инвестиций в энергетиче-

---

⁶ Дорожная карта по общему экономическому пространству. 10.05.2005 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

ский сектор. В качестве конкретных действий среди прочего стороны планировали осуществить сближение энергетических стратегий, исследовать возможности интеграции рынков электроэнергии, создания совместимых стандартов в сфере защиты окружающей среды, а также развивать сотрудничество по вопросам реализации совместных инфраструктурных проектов, которые представляют взаимный интерес. Отдельно стоит отметить, что «Дорожная карта» подразумевала сотрудничество по обеспечению реформы российской газовой отрасли.

В достигнутых договоренностях отчетливо прослеживалось стремление Европейского союза реализовать традиционную для него модель «экспорта» своего законодательства в третьи страны для создания единого политико-правового поля. Ярким примером реализации такой модели является международная организация, созданная в 2005 г. и объединяющая Европейский союз и страны Юго-Восточной Европы, — Энергетическое сообщество.

Вторым документом, на который следует обратить внимание в контексте сотрудничества России и ЕС, стала совместная инициатива сторон «Партнерство для модернизации», одобренная в 2010 г. В интересующей нас сфере в рамках документа упомянуты только вопросы энергоэффективности и развития устойчивой низкоуглеродной экономики⁷, при этом ключевые направления взаимодействия России и ЕС в энергетической области в документ включены не были.

В целом создание на рубеже веков институционально-правовой базы для развития энергетического сотрудничества России и ЕС способствовало активизации этого взаимодействия начиная с 2000-х годов. Зафиксированные договоренности того периода очевидно показывали намерения ЕС использовать механизм ЭнергодIALOGA с Россией прежде всего в целях обеспечения надежных и бесперебойных поставок энергоресурсов в страны Европы. При этом, несмотря на проактивную позицию Брюсселя в навязывании своей модели энергетического партнерства, интерес к ЭнергодIALOGU был одинаково сильным с обеих сторон.

---

⁷ Совместное заявление саммита Россия–ЕС по «Партнерству для модернизации». 01.06.2010 // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: https://russiaeu.ru/userfiles/file/2010.06.01_Joint_statement_on_PforM-Russian.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

Первые пять лет Энергодialogа: амбициозные цели и сверхзадачи

Спустя год после официального запуска Энергетического диалога между Россией и Европейским союзом, в октябре 2001 г., в рамках встречи на высшем уровне было принято Совместное заявление по энергетическому диалогу. В документе отмечалась заинтересованность сторон в стабильности энергетических рынков, надежности экспорта, развитии энергетической инфраструктуры, а также в повышении энергетической эффективности. В тексте документа был зафиксирован ряд положений, носящих политический характер: ЕС заявлял, что рассматривает Россию «как своего важного партнера, близкого, надежного и основного источника энергетических ресурсов и экспортера, с которым связываются надежды на увеличение его поставок энергетических товаров в Европейский союз»⁸.

Стороны констатировали, что в краткосрочной перспективе прогресс может быть достигнут в таких сферах, как упрощение процедуры заключения соглашений о разделе продукции (СРП), мониторинг со стороны ЕС российских транспортных сетей, а также оценка российских маршрутов экспорта энергии и юридическое обеспечение долгосрочных поставок энергоресурсов. Впервые стороны определили перечень проектов, «представляющих взаимный интерес», среди которых можно выделить проекты строительства Северного Трансъевропейского газопровода, разработки Штокмановского месторождения, освоения Ямала, а также интеграции нефтепроводов «Дружба» и «Адрия».

Среди направлений, требовавших дальнейшего изучения и проработки, оказались повышение энергетической эффективности, содействие устойчивому развитию, а также создание в Москве Центра по энергетическим технологиям Россия–ЕС.

Как покажет последующий анализ, именно в Совместном заявлении 2001 г. были заложены ключевые направления работы Энергетического диалога Россия–ЕС на ближайшее десятилетие.

Основные результаты функционирования созданного консультативного механизма на ежегодной основе представлялись в рамках

---

⁸ Совместное заявление по энергетическому диалогу. 03.10.2001 // Современная Европа. Доступ: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2002/1-2002/summit1-2002.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

Саммитов Россия–ЕС и носили формат обобщающих докладов по развитию Энергетического диалога (*progress report*). Вплоть до конца 2000-х годов за подготовку этих документов с российской стороны отвечал заместитель председателя Правительства РФ В. Христенко, а с европейской — генеральный директор Европейской комиссии Франсуа Ламурё. Столь высокий уровень кураторов Энергодialogа в очередной раз подчеркивает значение, которое придавали обе стороны этому направлению.

Несмотря на то что официальный механизм Энергодialogа Россия–ЕС появился только в 2000 г., ЕС еще в 1990-е годы предпринимал попытки активного вовлечения России во взаимодействие по энергетическим вопросам. Речь, конечно же, идет об Энергетической хартии, разработку которой инициировал в 1990 г. премьер Голландии Р. Любберс⁹.

Главная задача, стоявшая перед единой Европой в тот период, заключалась в гарантировании обеспечения энергоресурсами своей растущей экономики, что включало и диверсификацию стран-поставщиков. Очевидно, что Европа видела в новообразовавшихся независимых государствах бывшего СССР источники дешевых энергоресурсов и была готова инвестировать в их энергетические сектора. При этом европейским лидерам хотелось получить не только сами энергоресурсы, но и максимальный контроль над их добычей и транспортировкой.

По этой причине ЕС в достаточно короткий срок разработал проект Энергетической хартии, и уже в 1991 г. документ подписала 51 страна. Хартия носила не обязывающий характер, т.е. ее принятие не требовало изменения национальных законодательств, при этом она открывала большие перспективы в части развития энергетического сотрудничества стран Восточной Европы с Западной, что делало этот документ на первых порах привлекательным в том числе и для России.

В 1994 г. был разработан Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), который являлся юридически обязывающим документом и требовал ратификации законодательными органами стран, его

---

⁹ Марцинкевич Б. Как ЕС пытался завладеть ресурсами России и сам впал в зависимость // Завтра.ru. 23.08.2021. Доступ: https://zavtra.ru/blogs/zakon_bumeranga_kak_es_pitalsya_zavladet_resursami_rossii_i_sam_vpal_v_zavisimost (дата обращения: 19.04.2022).

подписавших. Как известно, Россия подписала документ, но так и не ратифицировала его. Консолидированная позиция широкого экспертного сообщества касательно причин, которые повлияли на такое решение Москвы, сводится к вопросам транзита [Конопляник, 2010]. Считается, что это направление рассматривалось в документе весьма однобоко, поскольку отражены были исключительно интересы Брюсселя, прежде всего в части так называемой интеграционной поправки ЕС, подразумевавшей, по сути, нераспространение правил Транзитного протокола на территорию Евросоюза, а также в части положения о праве первого отказа¹⁰, которое ЕС предполагал применять только к краткосрочным транзитным контрактам [Россия и Европейский союз, 2014].

Безусловно, отказ Москвы ратифицировать ДЭХ не устраивал Европейский союз, и он начал предпринимать активные действия, направленные на то, чтобы убедить российские власти в необходимости этого шага. Важно отметить, что ДЭХ был на тот момент единственным международным договором в области энергетического сотрудничества и, безусловно, расценивался европейскими лидерами как триумф европейской энергетической дипломатии. Но без полноформатного участия в Договоре ключевого поставщика энергоресурсов в Европу — России — его ценность существенно снижалась.

В целях снятия разногласий, которые мешали Москве ратифицировать ДЭХ, Еврокомиссия в 2000-х годах начала активный диалог с российскими властями по наиболее острому вопросу, касавшемуся транзитных обязательств. Однако процесс шел очень вязко, и сторонам не удалось достичь существенных подвижек [Городов, 2009].

Принимая во внимание тот факт, что запуск Энергетического диалога Россия–ЕС пришелся на период активизации переговорного процесса между ЕК и Москвой по вопросу ратификации ДЭХ, представляется интересным провести сравнительный анализ ключевых проблем, возникавших на обоих треках. При этом целесообразно использовать документы, относящиеся к периоду до 2006 г., который стал переломным как в рамках ЭнергодIALOGA Россия–ЕС (о чем

¹⁰ Право первого отказа (*right of first refusal*, ROFR) — это оговорка в контракте, которая наделяет определенное лицо приоритетным правом приобретения товара. Если лицо, наделенное по условиям договора таким правом, реализует его, значит, остальные конкуренты уже не могут претендовать на предмет сделки.

будет более подробно сказано далее), так и в вопросе ратификации ДЭХ. В последнем случае речь идет о транзитных спорах, возникших в январе 2006 г. между Россией и Украиной и развивавшихся при полном бездействии секретариата Энергетической хартии. Такое положение дел привело в ноябре того же года к выступлению главы Комитета Госдумы РФ по энергетике, транспорту и связи В. Язева, в котором он обозначил твердую позицию против ратификации ДЭХ¹¹, обосновав это прежде всего наличием разногласий по вопросам транзита.

Ключевыми направлениями, регулирование которых предполагалось осуществить в рамках ДЭХ, были:

- 1) содействие иностранным инвестициям в энергетический сектор и их защита;
- 2) механизмы решения межгосударственных споров и споров между государством и инвестором;
- 3) свобода транзита через трубопроводы и их сети;
- 4) вопросы энергоэффективности и передачи технологий [Кориневич, 2010].

Повышенное внимание к проблеме привлечения иностранных инвестиций в российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) уделялось и в рамках ЭнергодIALOGA. В Совместном заявлении 2001 г., а также в обобщающих докладах за период 2002–2005 гг. слова «инвестиции» и «инвестор» упоминаются 45 раз. В каждом из указанных обобщающих докладов существовал отдельный раздел, посвященный содействию инвестициям в энергетический сектор России и обеспечению их безопасности. Кроме того, в структуре Энергетического диалога вплоть до 2007 г. функционировала отдельная рабочая группа по инвестициям.

В Совместном заявлении по энергетическому диалогу 2001 г. отмечалось, что одно из ключевых направлений в краткосрочной перспективе — «совершенствование законодательной базы России в отношении производства и транспортировки энергии, в частности завершение работы над нормативными актами в отношении <...> механизма содействия инвестициям в энергетический сектор, на-

---

¹¹ Язев В. Я противник ратификации Энергетической хартии // Коммерсантъ. 15.11.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/720405> (дата обращения: 19.04.2022).

правленного прежде всего на упрощение административных и лицензионных процедур, которые создают важную предпосылку роста европейских инвестиций в энергетический сектор»¹².

Эти формулировки повторяли положения третьей части ДЭХ, которая была посвящена вопросам гарантий инвестиций и фиксировала, что «каждая договаривающаяся сторона в том, что касается осуществления инвестиций на ее территории, стремится в том числе постепенно устранять существующие ограничения, которые затрагивают инвесторов других договаривающихся сторон»¹³.

В третьем обобщающем докладе, который вышел в ноябре 2002 г., через год после принятия Совместного заявления по энергетическому диалогу, отмечалась работа экспертов по созданию условий для гарантирования возврата инвестиций. Кроме того, подчеркивался прогресс, достигнутый в работе над Налоговым кодексом РФ в части СРП, что предположительно также должно было способствовать содействию притока иностранных инвестиций в российский ТЭК¹⁴.

Ключевое место в шестом обобщающем докладе, представленном в 2005 г., также занимали вопросы инвестиций и трансформации российского законодательства для того, чтобы сделать вложения в российский энергетический сектор более привлекательными для европейского делового сообщества¹⁵.

В части второго направления — создания механизмов решения межгосударственных споров и споров между государством и инвестором — можно также отметить совпадение положений ДЭХ и рассматриваемых документов по линии ЭнергодIALOGA. В соответствии с Энергохартией все вопросы подлежали решению путем рассмотрения в рамках международного арбитража, а в третьем

---

¹² Совместное заявление по энергетическому диалогу. 03.10.2011 // Современная Европа. Доступ: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2002/1-2002/summit1-2002.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

¹³ Договор к Энергетической хартии. Ч. III. Ст. 10. П. 5b // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/499060547> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁴ ЭнергодIALOG Россия–ЕС (Третий обобщающий доклад). 11.11.2002 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3623> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁵ Шестой обобщающий доклад по ЭнергодIALOGу Россия–ЕС. Октябрь 2005 г. // Нефть, газ, право. Доступ: <http://journal.oilgaslaw.ru/free/report6-2005.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

обобщающем докладе по ЭнергодIALOGу со ссылкой на группу независимых экспертов предлагалось создать «Фонд обеспечения выполнения арбитражных решений, который будет способствовать защите инвесторов и других сторон от риска необеспечения их прав по контрактам»¹⁶. В следующем, четвертом, докладе отмечалось, что «механизм инвестиционной поддержки для снижения некоммерческих рисков <...> характеризуется определенным потенциалом и выгодами, в связи с чем требуется проведение дополнительных исследований и технического обоснования»¹⁷. В 2004 г., как указывалось в пятом докладе¹⁸, европейская сторона передала первый проект документа, где описывался принцип работы гарантийного механизма.

В рамках третьей группы вопросов, посвященных проблеме транспортировки энергоресурсов, Европейский союз активно отстаивал идею о недискриминационном доступе к энергетическим транспортным сетям, что нашло отражение, в частности, в третьем докладе. С этой целью Брюссель по линии программы ТАСИС¹⁹ выделил России 10 млн евро для проведения оценки и восстановления указанных сетей.

Кроме того, ЕС предлагал Москве рассмотреть возможность использования региональной спутниковой системы мониторинга, задействовав соответствующую инфраструктуру России и ЕС. Это демонстрировало большой интерес со стороны Евросоюза к российской трубопроводной системе и доступу к ней, а обозначенные европейские предложения в рамках ЭнергодIALOGа снова практи-

---

¹⁶ ЭнергодIALOG Россия–ЕС (Третий обобщающий доклад). 11.11.2002 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3623> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁷ Энергетический диалог Россия–ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁸ Энергетический диалог Россия–ЕС (Пятый обобщающий доклад). 23.11.2004 // НП «Российское теплоснабжение». Доступ: <https://www.rosteplo.ru/news/2004/11/23/1101287385-ehnergeticheskij-dialog-rossiya-es-pyatyj-obobshchayushchij> (дата обращения: 19.04.2022).

¹⁹ Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, TACIS (также Tacis) — существовавшая в 1991–2007 гг. программа Европейского союза, направленная на содействие ускорению процесса экономических реформ в странах СНГ посредством предоставления грантов и консультационной помощи.

чески полностью повторяли положения ДЭХ, в том числе в части права первого отказа при использовании транзитных мощностей.

Что же касается вопросов энергоэффективности и технологического сотрудничества, то на первых порах они интересовали Европейский союз явно меньше, чем три предыдущих пункта повестки дня. Однако начиная с 2003–2004 гг. они играли всё большую роль в совместных документах, их развитие подкреплялось европейским финансированием как в проектную деятельность, так и в создание центра по технологиям. В этом контексте небезынтересным представляется тот факт, что первые проекты, которые предполагалось реализовывать совместно за счет средств ЕС, имели географическую привязку к Калининградской области. Важно отметить, что уже в то время остро стоял вопрос жизнеобеспечения региона в связи с расширением Европейского союза, которое планировалось в 2004 г.

Проведенное сравнение наглядно показывает существенное сходство ключевых приоритетов Энергетического диалога Россия–ЕС в период с 2000 по 2006 г. с основными положениями ДЭХ. В этой связи можно предположить, что Европейский союз, терпя неудачи в диалоге с Россией по вопросу ратификации Договора, решил воспользоваться механизмом ЭнергодIALOGA, запущенным в 2000 г., для того чтобы перенести важнейшие для ЕС положения ДЭХ в его контекст и попробовать договориться на его площадке.

Однако в рамках развития механизма Энергетического диалога на повестку дня оказались вынесены и вопросы, которые не фигурировали в ДЭХ. Речь идет, в частности, о создании единого европейского энергетического пространства.

Четвертый обобщающий доклад, представленный в 2003 г., при неизменности приоритетов, озвученных в предыдущих докладах, таких как обеспечение надежности транспортировки углеводородного сырья, содействие реализации проектов взаимного интереса, энергоэффективность и подтверждение значимости осуществления торговли газом посредством долгосрочных контрактов, содержал и новые элементы, которые свидетельствовали о желании обеих сторон качественно углубить энергетическое сотрудничество.

В доклад 2003 г. было включено положение, которое впервые было озвучено в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. и декларировало цель интеграции энергетических рынков. В тексте

документа отмечалось, что «обе стороны выступают в поддержку постепенной интеграции рынков электроэнергии и энергоносителей Европейского Сообщества и России»²⁰, поскольку подобные шаги позволят повысить безопасность поставок и увеличить инвестиции в энергопроекты. В этом же документе стороны впервые зафиксировали намерение институализировать отношения в целях создания основы для реального Энергетического сообщества.

В шестом обобщающем докладе в очередной раз подчеркивалась приверженность сторон курсу на сближение стратегий, принципов и регулирующих мер. Несмотря на то что вопросы создания единого газового рынка в итоге отошли на второй план, на экспертном уровне продолжилось обсуждение перспектив объединения электроэнергетических систем.

Еще одним важнейшим вопросом, который неоднократно поднимался в рамках Энергодialogа, был вопрос о регулировании цен на газ внутри России, который помимо прочего стал камнем преткновения на пути вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). В 2003 г. в рамках переговоров России и ЕС Брюссель выдвинул так называемый газовый ультиматум, состоявший из шести пунктов. Среди прочего европейские чиновники требовали ликвидации монополии «Газпрома» на экспорт природного газа, повышения внутренней цены на газ, обеспечения доступа иностранных инвесторов к энергетической инфраструктуре, а также свободы транзита [Чувахина, 2010]. Однако, несмотря на давление со стороны Европейского союза, России при согласовании протокола о завершении переговоров с ЕС по вопросу вступления в ВТО удалось отстоять низкие внутренние цены на газ [Лукашевич, 2006].

Переход Энергодialogа в более практическую плоскость и расширение круга рассматриваемых вопросов, включая возможную интеграцию энергетических рынков, стали предтечей принятия в 2005 г. Дорожной карты по общему экономическому пространству.

Несмотря на проактивную позицию европейской стороны в выстраивании Энергодialogа с Россией, прежде всего в целях обеспечения бесперебойных поставок энергии в Европу, а также доступа

---

²⁰ Энергетический диалог Россия–ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

европейских компаний к российским ресурсам и инфраструктуре, Москва смогла в рассматриваемый период продвинуть ряд положений, отражавших национальные интересы. В первую очередь была зафиксирована договоренность о предоставлении гарантий со стороны ЕС относительно дальнейшего доминирования долгосрочных контрактов на европейском рынке газа, а также о возможности продавать российские энергоресурсы в страны Евросоюза без количественных ограничений.

Подводя итоги работы ЭнергодIALOGA в период с 2000 по 2006 г., стоит отметить, что развитие сотрудничества проходило в период важных изменений как в Евросоюзе, так и в России. Прежде всего, речь идет о расширении ЕС в 2004 г., которое стало крупнейшим за всю историю его существования, когда к единой Европе присоединились государства, зависящие от поставок российского газа почти на 100%, такие как Польша, Латвия, Литва и Эстония [Neuman, 2010]. Кроме того, Брюссель поддержал вступление России в ВТО, а Москва в свою очередь ратифицировала Киотский протокол²¹ [Чумаков, 2006]. Наконец, в этот же период произошло резкое повышение цен на энергоресурсы, которое также привнесло в повестку дня сотрудничества России и ЕС новые вопросы, касавшиеся стабильности энергетических рынков.

Безусловно, в рассматриваемый временной отрезок между договаривавшимися сторонами не раз возникали разногласия. При этом интересно отметить, что политически чувствительные вопросы не выносились в доклады ЭнергодIALOGA Россия–ЕС [Hadfield, 2008]. В них регулярно отмечалась работа сторон по проектам «приоритетного значения», но ничего не говорилось о том, что, например, в 2003 г. французская компания Total, разрабатывавшая Харьягинское месторождение на основе СРП, после отказа правительства России утвердить затраты инвесторов подала иск в Стокгольмский арбитраж, требуя возмещения понесенных расходов. В 2005–2006 гг. другая компания страны — члена ЕС, Shell, подверглась многочисленным проверкам со стороны российских органов исполнительной

---

²¹ Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата был принят 11 декабря 1997 г., вступил в силу 16 февраля 2005 г. Документ служит развитию положений Рамочной конвенции, обязуя индустриально развитые страны ограничивать и сокращать выбросы парниковых газов в соответствии с согласованными национальными обязательствами.

власти, которые выявили как завышение расходов, так и нарушения природоохранного законодательства. По итогам переговоров в конце 2006 г. голландская компания передала 50% + 1 акцию компании «Газпром»²².

Представляется, что Европейская комиссия, настроенная на продолжение диалога, обходила проблемные вопросы, стараясь сохранить исключительно позитивный настрой в официальных документах. Этому способствовали существенные подвижки, которые наблюдались в период с 2000 по 2006 г. в переговорном процессе с Россией по линии ЭнергодIALOGA (в отличие от формата ДЭХ).

Характерной чертой первого пятилетнего периода работы ЭнергодIALOGA Россия–ЕС стали амбициозные и масштабные проекты развития двустороннего сотрудничества, которые исходили преимущественно от Европейского союза. Эти проекты охватывали вопросы создания единого энергетического пространства, сближения законодательных баз, открытия доступа для европейского капитала к российским ресурсам и инфраструктуре.

Тем не менее уже в этот период наглядно проявились различия в подходах и приоритетах сторон в ЭнергодIALOGA. В то время как Москва прежде всего искала поддержки для реализации своих планов по модернизации энергетического сектора, используя европейские программы финансирования, Брюссель выступал за проведение реформ, которые бы максимально открыли российский энергетический рынок, создав тем самым более благоприятные условия для развития делового климата [Monaghan, Montanaro-Jankovski, 2006].

С учетом разрабатывавшейся тогда Минэкономразвития России модели либерализации рынка природного газа, которая предполагала постепенное расширение участия иностранных инвесторов в проектах по добыче энергоресурсов на территории РФ²³, еврочиновники имели основания полагать, что их инициативы, подкрепленные финансированием посредством европейских программ, таких как

---

²² Заславский А. Иностранные компании и российская нефть // Pro et Contra. Сентябрь–октябрь 2011 г. Доступ: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_53_40-50.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

²³ Либерализация рынка природного газа по версии Минэкономразвития // Коммерсантъ. 26.09.2003. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/414424> (дата обращения: 19.04.2022).

ТАСИС, могут перейти в практическую плоскость в ближайшей перспективе.

При этом, добиваясь доступа к российским недрам и транспортной системе, Европейский союз, по сути, не предлагал ничего взамен. Как отметил президент РФ В.В. Путин на встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2006 г., «мы говорим о том, что сотрудничество должно быть исключительно равноправным. Если от нас чего-то хотят, если хотят, чтобы мы допустили в самое сердце нашей сегодняшней экономики, в инфраструктуру добычи, в инфраструктуру транспорта, — нам-то что дадут за это, мы что за это получим? Нам говорят: “Получите то же самое”. Но в Европе нет такой добычи. И магистральных трубопроводных систем тоже нет»²⁴.

Различия в подходах, безусловно, осложняли движение к единому энергетическому сообществу и ставили в целом под вопрос конструктивное развитие переговоров в рамках Энергодialogа.

Эволюция содержания Энергодialogа Россия–ЕС: от единого энергетического сообщества к совместному стратегическому планированию

В период с 2006 по 2010 г. риторика Энергетического диалога претерпела существенные изменения. Безусловно, это произошло не на ровном месте, а было обусловлено как внутренними факторами, так и внешними обстоятельствами [Likhachev, Westphal, 2017].

После транзитного кризиса на Украине в 2006 г. на Саммите Россия–ЕС, который состоялся в ноябре 2006 г. в Хельсинки, Еврокомиссия впервые озвучила свои намерения сделать европейский рынок более конкурентоспособным и менее монополизированным путем разделения компаний на уровне собственников в сфере добычи, транспортировки и реализации энергетических ресурсов²⁵.

²⁴ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 09.09.2006 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23789> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁵ Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Финляндии Матти Ванханеном, Председателем Комиссии Европейских сообществ Жозе Мануэлем Баррозу, Генеральным секретарем Совета ЕС, Высоким представителем ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности Хавьером Соланой,

Российская сторона ответила, что правительство планирует сохранять единство таких компаний, как «Газпром», очередной раз дав понять европейским политикам, что о либерализации российского энергетического рынка речи не идет [Heinrich, Kuszniir, 2005]. Тогда же, в 2006 г., за «Газпромом» законодательно было закреплено право на монополию в экспорте природного газа²⁶.

Происходило усиление российских позиций в вопросах формирования международных энергетических отношений. В рамках председательства России в «Группе восьми» в 2006 г. ей удалось продвинуть идею глобальной энергетической безопасности, указав на необходимость обеспечения не только безопасности поставок для защиты импортеров, но и безопасности спроса в интересах уже стран — экспортеров энергетических ресурсов [Примаков, 2009].

В феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что Россия «не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает»²⁷. Подобное заявление в очередной раз продемонстрировало нежелание Кремля следовать в кильватере энергополитики ЕС.

В этот же период Россия начала играть всё более весомую роль на глобальном энергетическом рынке как крупнейший экспортер энергоресурсов и стала планировать осуществление диверсификации своих экспортных поставок на Восток [Goldthau, 2008; Stern et al., 2014]. В 2008 г. вице-премьер Правительства РФ И. Сечин провел первые переговоры со странами ОПЕК, в рамках которых

Премьер-министром Норвегии Йенсом Столтенбергом и Премьер-министром Исландии Гейром Хильмаром Хорде по итогам встречи на высшем уровне Россия — Европейский союз. 24.11.2006 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23921> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁶ Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 117-ФЗ «Об экспорте газа» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24036> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁷ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина и дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросу политики безопасности. 10.02.2007 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 19.04.2022).

стороны обсудили возможную координацию действий по добыче нефти²⁸.

В том же году было объявлено о создании Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ)²⁹, в котором Россия играет важную роль. Эта структура по аналогии с ОПЕК была призвана объединить на одной площадке ключевых игроков на газовом рынке.

Кроме того, в обозначенный период как в России, так и в ЕС произошли существенные изменения во внутренней энергетической политике. Например, европейские партнеры восприняли в качестве недружественного жеста принятие Москвой в 2008 г. Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»³⁰, в котором устанавливались ограничения на участие иностранных инвесторов в уставных капиталах компаний, имеющих стратегическое значение для России, включая энергетический сектор [Белицкая, Лакно, 2010].

В ЕС в свою очередь в этот период набрали обороты процессы объединения энергосистем, создания единого энергетического рынка, что привело к усилению наднациональной функции Европейской комиссии [Кавешников, 2013].

В начале 2009 г. произошел второй транзитный кризис, который оказался более напряженным, чем первый. Поставки российского природного газа в Европу через территорию Украины были остановлены практически на две недели, что стало историческим прецедентом и придало новый импульс деятельности Европейской комиссии по обеспечению энергобезопасности ЕС, диверсификации маршрутов и поставщиков [Кинякин и др., 2018] и в конечном счете дало повод еврочиновникам снова вернуться к вопросу о необходи-

---

²⁸ И. Сечин: Россия будет координировать объемы добычи нефти с ОПЕК // РБК. 07.11.2008. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/07/11/2008/5703d0179a79473dc814a476> (дата обращения: 19.04.2022).

²⁹ Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ) // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/29> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁰ Федеральный закон от 29.04.2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/27332> (дата обращения: 19.04.2022).

мости для Европы заговорить «единым голосом» в энергетической сфере [Dimitrova, 2010].

В том же году Россия окончательно решила выйти из состава участников ДЭХ. В свою очередь Европейский союз принял Третий энергетический пакет³¹, который положил начало процессу демополизации европейского энергетического рынка, что оказало существенное влияние как на механизм ЭнергодIALOGа, так и на двусторонние отношения России со странами — членами ЕС [Пакин, 2012; Locatelli, 2013].

Все эти события отразились на содержании ЭнергодIALOGа Россия–ЕС, что проявилось как в трансформации его структуры, так и в изменении риторики обобщающих докладов, выходявших в тот период. Взаимоотношения Москвы и Брюсселя стали более прагматичными и реалистичными, свободными от завышенных ожиданий [Громыко, 2015; Бордачёв, 2006]. В начале 2000-х годов российская сторона главным образом реагировала на различные инициативы ЕС, нежели задавала собственную повестку, но с 2006 г. ситуация постепенно менялась, ЭнергодIALOG стал всё больше учитывать интересы Москвы.

Обозначенные изменения привели, как представляется, к частичной трансформации структуры ЭнергодIALOGа и его действующих механизмов. Это в какой-то мере объясняет смену российского координатора ЭнергодIALOGа с первого вице-председателя Правительства РФ на министра энергетики, расширение количества экспертных групп и подгрупп, задачами которых были проведение консультаций, разработка сценариев и координация позиций. В 2006 г. ввиду нехватки финансирования закрылся Энергетический технологический центр Россия–ЕС, запущенный в рамках ЭнергодIALOGа в 2002 г., а также прекратилось спонсирование проектов по линии ТАСИС из-за завершения программы по решению европейской стороны.

В 2007 г. на смену четырем рабочим группам (по инвестициям, инфраструктуре, торговле и энергоэффективности), которые функционировали в рамках ЭнергодIALOGа с 2004 г., пришли три новые:

---

³¹ Third energy package // European Commission. Available at: https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en (accessed: 19.04.2022).

по энергетическим стратегиям, прогнозам и сценариям; по развитию рынков; по энергоэффективности. Рабочие группы главным образом стали площадками для обмена информацией по текущим и перспективным вопросам в соответствующих областях [Еспуну, 2009; Романова, 2014]. Именно представлению результатов работы этих групп теперь были в основном посвящены доклады по Энергодиалогу. В частности, в десятом обобщающем докладе, выпущенном в 2009 г.³², было прямо сказано, что Энергодиалог выступает прежде всего в качестве площадки для дискуссий и обмена опытом.

Ответом на первый транзитный кризис стал запуск в 2007 г. Механизма раннего предупреждения. В его основе лежал принцип ранней оценки потенциальных рисков и проблем, касающихся поставок и потребности в природном газе, нефти и электроэнергии, а также предупреждения и быстрого реагирования в случае чрезвычайной ситуации или ее угрозы [Пашковская, 2011]. И в последующие годы этим вопросам уделялось приоритетное внимание. В девятом докладе по Энергодиалогу, выпущенном в 2008 г., приводился прогноз возможных «разрывов» между спросом и предложением на энергетическом рынке Европы. По итогам транзитных кризисов в 2006 и 2009 гг. Россия и ЕС подписали документы о механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики, которые предусматривали определение практических мер по предупреждению и оперативному реагированию в случае возникновения или угрозы возникновения чрезвычайной ситуации, а также по уменьшению ее последствий и предотвращению в будущем³³.

Одной из центральных тем обобщающих докладов 2007–2009 гг. стал вопрос объединения энергосистем России и Европейского союза, включая подготовку соответствующего технико-экономического обоснования.

---

³² Энергетический диалог Россия–ЕС. Десятый обобщающий доклад. Ноябрь 2009 г. // Big Electric Power News. Доступ: https://www.bigpowernews.ru/photos/0/0_hu_mljI3DOFTQM5PJWlQ5HfKXDS5lDFeO.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

³³ Меморандум о Механизме предупреждения и преодоления чрезвычайных ситуаций в сфере энергетики в рамках Энергодиалога Россия–ЕС (Механизм раннего предупреждения). 24.02.2011 // Институт энергетики и финансов. Доступ: <https://fef.ru/files/Memorandum.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

В 2010 г. отмечался юбилей создания механизма Энергетического диалога Россия–ЕС, в честь чего был подготовлен специальный доклад «Энергетический диалог Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики»³⁴. В целом можно заключить, что, несмотря на проявившиеся противоречия, за десятилетний период работы сторонам всё-таки удалось добиться ряда конкретных результатов. Прежде всего, был накоплен существенный практический опыт взаимодействия между органами государственной власти, научными институтами, бизнесом и экспертным сообществом России и ЕС, а также созданы ключевые механизмы энергетического сотрудничества, в том числе Постоянный совет партнерства по энергетике, министерские встречи и тематические рабочие группы [Энергетика и геополитика, 2011]. При содействии ЭнергодIALOG Россия–ЕС был обеспечен доступ европейских компаний на российский энергетический рынок. Кроме того, удалось договориться о признании Брюсселем важности и поддержке долгосрочных контрактов на поставку газа.

Продуктивным было и сотрудничество в области энергоэффективности, которая имела большой потенциал развития в России [Чижов, 2009]. За рассматриваемый период удалось реализовать ряд пилотных проектов в российских регионах, а также оказать существенное содействие в разработке проекта федерального закона об энергоэффективности, который был принят в России в 2009 г.³⁵

Вопросы, имевшие первостепенное значение для Европейского союза на старте переговоров, касавшиеся доступа к транспортным сетям, упрощения административных процедур и лицензирования в области иностранных инвестиций, остались в повестке Энерго-

---

³⁴ Обобщающий доклад ЭнергодIALOG Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики. Ноябрь 2010 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: <https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/2010-EnergyDialog%20-report11-10th%20anniversary-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

³⁵ Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30163> (дата обращения: 10.07.2022).

диалога, но прорывного успеха, на который, как представляется, рассчитывал Брюссель, по ним достичь не удалось. Как отмечалось в докладе, обобщавшем итоги десятилетней работы Энергодialoga Россия–ЕС, «решения российских органов власти по соглашениям о разделе продукции в энергетическом секторе весной 2003 года и влияние Закона о стратегических отраслях 2008 года вместе с Законом о недрах могут, по мнению стороны ЕС, привести к уменьшению инвестиций»³⁶. Речь шла о том, что возникшая необходимость согласования с российским правительством сделок по приобретению акций иностранными государствами, международными организациями или находившимися под их контролем структурами отпугнет многих инвесторов.

Не получила продолжения инициатива ЕС о создании единого газового рынка³⁷, а по вопросу объединения электроэнергетических систем результаты проведенного в 2008 г. исследования показали, что их синхронное соединение теоретически возможно, но только при условии выполнения серьезных технических, ремонтных и организационных мероприятий, а также формирования соответствующей нормативно-правовой базы³⁸. По сути, это означало признание провала идеи ЕС, озвученной в 1994 г., на старте энергетического сотрудничества, о создании интегрированных энергетических рынков.

Таким образом, если говорить о политическом измерении Энергодialoga в рассматриваемый период в целом, то можно заключить, что оно претерпело существенную эволюцию — от амбициозных планов создания единого энергетического сообщества и интегрированных энергорынков к гораздо более приземленному поиску баланса интересов для обеспечения обоюдовыгодного сотрудничества с учетом взаимозависимости экономик ЕС и России. Эта смена

---

³⁶ Обобщающий доклад Энергодialog Россия–ЕС 2000–2010: возможности для нашего будущего партнерства в области энергетики. Ноябрь 2010 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. Доступ: <https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/2010-EnergyDialog%20-report11-10th%20anniversary-ru.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁷ Энергетический диалог Россия–ЕС (Четвертый обобщающий доклад). 06.11.2003 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/3839/print> (дата обращения: 19.04.2022).

³⁸ Там же.

ориентиров наглядно прослеживается и в работе Энергодialogа в постъюбилейный период.

Отметив десятилетний юбилей, Энергодialog продолжил развиваться, сосредоточив свою деятельность преимущественно на разработке Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г., на расширении структуры путем создания новых рабочих органов, а также на проведении дискуссий в различных форматах для обсуждения текущих вопросов энергетического взаимодействия. Об интенсивности таких дискуссий можно судить по количеству встреч, которые на ежегодной основе проходили в рамках Энергодialogа. Так, в 2010 г. было проведено 19 мероприятий в различных форматах, включая семинары, конференции, встречи рабочих групп и сопредседателей³⁹.

В 12-м обобщающем докладе, который был опубликован в декабре 2011 г., среди ключевых документов, принятых сторонами в отчетном году, отмечались совместное заявление об обмене информацией, совместное заявление по созданию механизма для оценки будущих тенденций на рынках газа, общее понимание по подготовке дорожной карты сотрудничества, а также усовершенствованный Механизм раннего предупреждения⁴⁰.

Этот перечень позволяет судить об изменении содержания Энергодialogа, его формата и механизмов работы. Сотрудничество сторон постепенно переходило из практико-ориентированной плоскости в сферу стратегического планирования, предполагавшую проведение исследований, консультаций, подготовку прогнозов и рекомендаций, при этом реализация конкретных проектов начала затягиваться или пробуксовывать [Энтин, Энтина, 2015]. Однако необходимость дальнейшего развития Энергодialogа не ставилась под сомнение ни одной из сторон, прежде всего в связи с пониманием глубины взаимозависимости России и ЕС в энергетической сфере [Moshes, 2009].

---

³⁹ EU-Russia Energy Dialogue. The first ten years: 2000–2010 // European Commission. Directorate-General for Energy. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2011_eu-russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

⁴⁰ Энергодialog Россия–ЕС 12-й доклад. 11.12.2011 // RusCable.Ru. Доступ: <https://www.ruscable.ru/other/m-11-12-11.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

Об этом свидетельствует и структура Энергодialogа Россия–ЕС, представленная в 13-м обобщающем докладе⁴¹. Ключевыми рабочими органами Энергодialogа были четыре тематические группы по таким направлениям, как энергетические рынки и стратегии, электроэнергетика, атомная энергетика, энергоэффективность и инновации, а также Консультативный совет России и ЕС по газу.

Среди приоритетов работы Энергодialogа в постъюбилейный период можно выделить дальнейшее развитие Механизма раннего предупреждения, а также разработку сценариев стратегического сотрудничества Брюсселя и Москвы в энергетической сфере.

Важной вехой в истории эволюции Энергодialogа стало одобрение в 2013 г. Дорожной карты энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г.⁴² Это была первая попытка обозначить общий вектор взаимодействия сторон на долгосрочный период с учетом различий в их энергостратегиях. Документ не носил обязывающего характера, но содержал согласованную сторонами стратегическую цель по формированию к 2050 г. панъевропейского энергетического пространства⁴³. Признавая существенные различия в приоритетах развития энергетических секторов России и ЕС, которые к тому времени уже стали очевидными, авторы Дорожной карты отмечали, что она «призвана содействовать достижению приемлемого уровня неопределенности в контексте будущего устойчивого и взаимовыгодного развития отношений России и ЕС в энергетической сфере»⁴⁴.

Весной 2014 г. по инициативе Европейского союза Энергодialog Россия–ЕС был заморожен, и его работа не возобновилась до настоящего времени. Единственным органом, в рамках которого не прекращалась деятельность, стала рабочая группа «Развитие внутренних рынков ЕС и России» в рамках Консультативного совета по газу, функционирующая на экспертном уровне⁴⁵.

---

⁴¹ Энергодialog Россия–ЕС. 13-й доклад. 17.01.2014 // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/3377> (дата обращения: 19.04.2022).

⁴² Roadmap EU–Russia Energy Cooperation until 2050. March 2013 // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2013_03_eu_russia_roadmap_2050_signed.pdf (accessed: 19.04.2022).

⁴³ Энергодialog Россия–ЕС. 13-й доклад. 17.01.2014 // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/3377> (дата обращения: 19.04.2022).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Энергодialog Россия–ЕС // Министерство энергетики России. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/node/14646> (дата обращения: 19.04.2022).

* * *

ЭнергодIALOG Россия–ЕС как формализованный механизм взаимодействия, запущенный лидерами России и Европейского союза в 2000 г. на саммите в Париже, просуществовал 14 лет. Период его деятельности пришелся на время глобальной трансформации мирового энергетического рынка, а также модернизации энергетических отраслей как России, так и ЕС в целях адаптации к новым геополитическим и экономическим реалиям.

Происходившие изменения как внутри сторон диалога, так и на глобальной арене сказывались на процессе энергетического сотрудничества. Безусловным локомотивом первых 5 лет работы ЭнергодIALOGа выступал Европейский союз, который предпринимал попытки распространить на российскую энергетическую отрасль общеевропейские правила, а также взять под контроль как сами российские энергоресурсы, так и инфраструктуру по их транспортировке. Однако «быстрая победа» Европе не удалась, и с усилением роли России в международной энергетической повестке ЭнергодIALOG приобрел более сбалансированный характер, при этом утратив свою проектную нацеленность.

Сопоставление положений ДЭХ и ключевых направлений работы ЭнергодIALOGа Россия–ЕС позволило выявить еще одну задачу, которую ставил перед собой Евросоюз в этой связи. Речь шла о том, чтобы посредством ЭнергодIALOGа всё же навязать Москве те принципы и положения общеевропейской энергетической политики, принятие которых по линии ДЭХ натолкнулось на сопротивление российского руководства.

С 2006–2007 гг. приоритеты России и ЕС в энергетической области начали всё более явственно расходиться на фоне кардинальных изменений как во внутренней энергетической политике сторон, так и в положении России на международной арене. В этой связи менялись содержание и структура ЭнергодIALOGа: вопросы создания единого энергетического сообщества и энергорынков уходили на второй план, а частично и теряли актуальность.

Однако, несмотря на отмеченные изменения и в некотором роде понижение уровня амбиций в рамках переговорного процесса, на протяжении 14 лет это была площадка для прямого диалога, предоставлявшая возможность обменяться мнениями, разъяснить

партнерам свою позицию, обсудить спорные моменты. Кроме того, сам факт наличия прямого переговорного процесса способствовал формированию доверия сторон друг к другу и деполитизации взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белицкая А.В., Лакно П.Г. Иностранные инвесторы в сфере недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: правовое регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2010. № 4. С. 44–61.
2. Бордачёв Т.В. Россия и Европейский союз: проблема европеизации // Современная Европа. 2006. № 4. С. 120–129.
3. Городов А.А. Проблема транзитного протокола ДЭХ в контексте Энергодialogа Россия–ЕС // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 14. С. 191–200.
4. Громько А.А. Взлеты и падения отношений России и Евросоюза // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+, 2015. С. 267–292.
5. Европейская интеграция: Учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011.
6. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Россия: почему «дорожные карты» не ведут в Европу? // Современная Европа. 2005. № 4. С. 64–79.
7. Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // Вестник МГИМО–Университета. 2013. № 4. С. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91.
8. Кинякин А.А., Напара А.С., Копыл М.В. Энергетический диалог России и ЕС: сотрудничество или конкуренция? // Наука Красноярья. 2018. Т. 7. № 2. С. 167–198. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198.
9. Конопляник А.А. Россия и Энергетическая хартия: Учебное пособие. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2010.
10. Кориневич А.А. Договор к Энергетической хартии — основной источник международного энергетического права // Наука и современность. 2010. № 1-3. С. 204–208.
11. Лукашевич В.В. Пятое расширение Европейского союза и перспективы российского бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2006. № 1. С. 151–169.
12. Пакин А.К. Реализация Третьего энергетического пакета в Европейском союзе // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 6. С. 107–110.

13. Пашковская И.Г. Внешняя энергетическая политика Европейского союза // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 1. С. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-1-61-69.

14. Пашковская И.Г. Энергетическая политика Европейского союза в отношении России. Аналитические доклады МГИМО (У) МИД России. № 5 (29). М.: МГИМО-Университет, 2011.

15. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009.

16. Романова Т.А. Россия и ЕС: диалог на разных языках // *Россия в глобальной политике*. 2006. № 6. С. 79–92.

17. Романова Т.А. Энергетическое сотрудничество России и Евросоюза: основные направления эволюции и современное состояние // *Балтийский регион*. 2013. № 3 (17). С. 7–19. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-1.

18. Россия и Европейский союз: Учебное пособие / Под ред. С.М. Юна. Томск: Издательство Томского университета, 2014.

19. Чижов В.А. Россия и Европейский союз: формирование стратегического партнерства // *Международная жизнь*. 2009. № 10. С. 75–81.

20. Чувахина Л.Г. Россия и ВТО. Проблемы вступления и перспективы участия // *Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал*. 2010. № 3. С. 19–30.

21. Чумаков В.А. Расширение ЕС и сфер влияния европейских ТНК в контексте политико-экономических интересов России и СНГ // *Актуальные проблемы Европы*. 2006. № 2. С. 191–206.

22. Энергетика и геополитика / Под ред. В.В. Костюка, А.А. Макарова. М.: Наука, 2011.

23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Россия и Европейский союз в 2011–2014 годах: в поисках партнерских отношений — V. Т. 1. М.: Издательство «Э», 2015.

24. Dimitrova I. EU-Russia energy diplomacy: 2010 and beyond? // *Connections*. 2010. Vol. 9. No. 4. P. 1–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.11610/Connections.9.4.01>.

25. Espuny T. EU-Russia energy dialog at the origin of the European foreign energy policy // *EU-Russia Centre Review*. June 2009. Iss. 9. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/105727/review_ix.pdf (accessed: 10.07.2022).

26. Goldthau A. Resurgent Russia? Rethinking Energy Inc. // *Policy Review*. 2008. No. 147. P. 53–63.

27. Hadfield A. EU-Russia energy relations: Aggregation and aggravation // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. No. 16 (2). P. 231–248. DOI: 10.1080/14782800802309953.

28. Heinrich A., Kuszniir J. Independent gas producers in Russia // *KICES Working Papers*. No. 2. 29 September 2005. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2871401> (accessed: 19.04.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2871401.

29. Kaveshnikov N. The issue of energy security in relations between Russia and the European Union // *European Security*. 2010. Vol. 19. No. 4. P. 585–605. DOI: 10.1080/09662839.2010.531707.

30. Konoplyanik A. A common Russia-EU energy space: The new EU-Russia Partnership Agreement, *Acquis Communautaire* and the Energy Charter // *Journal of Energy & Natural Resources Law*. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 258–291. DOI: 10.1080/02646811.2009.11435215.

31. Kustova I. EU-Russia energy relations, EU energy integration, and energy security: The state of the art and a roadmap for future research // *Journal of Contemporary European Research*. 2015. Vol. 11. No. 3. P. 287–295.

32. Likhachev V., Westphal K. Russia-EU energy relations // *Russian International Affairs Council*. Report No. 35/2017. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

33. Locatelli C. Security challenges in EU-Russian gas relations // *Revue d'économie industrielle*. 2013. Vol. 143. Iss. 3. P. 35–69. DOI: 10.4000/rei.5622.

34. Monaghan A., Montanaro-Jankovski L. EU-Russia energy relations: The need for active engagement // *European Policy Centre*. March 2006. Issue Papers. No. 45. Available at: https://www.epc.eu/content/PDF/2006/EPC_Issue_Paper_45_EU-Russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

35. Moshes A. EU-Russia relations: Unfortunate continuity // *European issues*. 2009. No. 129. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

36. Neuman M. EU-Russian energy relations after the 2004/2007 EU enlargement: An EU perspective // *Journal of Contemporary European Studies*. 2010. Vol. 18. Iss. 3. P. 341–360. DOI: 10.1080/14782804.2010.507918.

37. Romanova T. Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects // *Energy Policy*. 2014. Vol. 74. P. 44–53. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.07.019.

38. Stern J., Dickel R., Hassanzadeh E. et al. Reducing European dependence on Russian gas: Distinguishing natural gas security from geopolitics // *Oxford Institute for Energy Studies*. October 2014. Available at: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (accessed: 19.04.2022).

REFERENCES

1. Belitskaya A.V., Lakhno P.G. 2010. Inostrannyye investory v sfere nedropol'zovaniya v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh: pravovoe regulirovanie [Foreign investors in the sphere of subsoil assets use in the Russian Fe-

deration and in foreign countries: Legal regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 14. Pravo*, no. 4, pp. 44–61. (In Russ.)

2. Bordachev T.V. 2006. Rossiya i Evropeiskii soyuz: problema evropeizatsii [Russia and the European Union: The problem of Europeanization]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 120–129. (In Russ.)

3. Gorodov A.A. 2009. Problema tranzitnogo protokola DEKh v kontekste Energodialoga Rossiya–ES [The Energy Charter Treaty, the Transit Protocol and the Russia-EU energy dialog]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 14, pp. 191–200. (In Russ.)

4. Gromyko A.A. 2015. Vzlety i padeniya otnoshenii Rossii i Evrosoyuza [The ups and downs of relations between Russia and the European Union]. In: Neimark M.A. (ed.). *Sovremennyi mir i geopolitika* [Contemporary world and geopolitics]. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 267–292. (In Russ.)

5. Butorina O.V. (ed.). 2011. *Evropeiskaya integratsiya: Uchebnik* [European integration: A textbook]. Moscow, Delovaya literatura Publ. (In Russ.)

6. Inozemtsev V.L., Kuznetsova E.S. 2005. Rossiya: pochemu ‘dorozhnye karty’ ne vedut v Evropu? [Russia: Why ‘the roadmaps’ do not lead to Europe?]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 64–79. (In Russ.)

7. Kaveshnikov N.Yu. 2013. Razvitie vneshnei energeticheskoi politiki Evropeiskogo soyuza [Development of the external energy policy of the European Union]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, pp. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91. (In Russ.)

8. Kinyakin A.A., Napara A.S., Kopyl M.V. et al. 2018. Energeticheskii dialog Rossii i ES: sotrudnichestvo ili konkurentsia? [Russia-EU energy dialog: Cooperation or competition?]. *Nauka Krasnoyar’ya*, vol. 7, no. 2, pp. 167–198. DOI: 10.12731/2070-7568-2018-2-167-198. (In Russ.)

9. Konoplyanik A.A. 2010. *Rossiya i Energeticheskaya khartiya: Uchebnoe posobie* [Russia and the Energy Charter. A work-book]. Moscow, RGU nefiti i gaza im. I.M. Gubkina Publ. (In Russ.)

10. Korinevich A.A. 2010. Dogovor k Energeticheskoi khartii — osnovnoi istochnik mezhdunarodnogo ehnergeticheskogo prava [The Energy Charter Treaty — the main source of international energy law]. *Nauka i sovremennost’*, no. 1-3, pp. 204–208. (In Russ.)

11. Lukashevich V.V. 2006. Pyatoe rasshirenie Evropeiskogo soyuza i perspektivy rossiiskogo biznesa [The fifth enlargement of the European Union and prospects for the Russian business]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 8. Menedzhment*, no. 1, pp. 151–169. (In Russ.)

12. Pakin A.K. 2012. Realizatsiya Tret’ego energeticheskogo paketa v Evropeiskom soyuze [Implementation of the Third Energy Package in the European Union]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*, no. 6, pp. 107–110. (In Russ.)

13. Pashkovskaya I.G. 2009. Vneshnyaya energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza [External energy policy of the European Union]. *World Economy and International Relations*, no. 1, pp. 61–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2009-1-61-69. (In Russ.)

14. Pashkovskaya I.G. 2011. *Energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza v otnoshenii Rossii* [Energy policy of the European Union towards Russia]. *Analiticheskie doklady MGIMO (U) MID Rossii*, no. 5 (29). Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

15. Primakov E.M. 2009. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'* [World without Russia? Where the political shortsightedness leads to]. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)

16. Romanova T.A. 2006. Rossiya i ES: dialog na raznykh yazykakh [Russia and the EU: A dialogue in different languages]. *Rossiya v global'noi politike*, no. 6, pp. 79–92. (In Russ.)

17. Romanova T.A. 2013. Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Evrosoyuza: osnovnye napravleniya evolyutsii i sovremennoe sostoyanie [EU-Russia energy cooperation: Major development trends and the present state]. *Baltic Region*, no. 3 (17), pp. 4–13. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-1.

18. Yun S.M. (ed.). 2014. *Rossiya i Evropeiskii soyuz: Uchebnoe posobie* [Russia and the European Union: A textbook]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

19. Chizhov V.A. 2009. Rossiya i Evropeiskii soyuz: formirovanie strategicheskogo partnerstva [Russia and the European Union: Building a strategic partnership]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 10, pp. 75–81. (In Russ.)

20. Chuvakhina L.G. 2010. Rossiya i VTO. Problemy vstupleniya i perspektivy uchastiya [Russia and the WTO. Membership seeking issues and the prospects for the newcomer]. *Akademiya byudzheta i kaznacheistva Minfina Rossii. Finansovyi zhurnal*, no. 3, pp. 19–30. (In Russ.)

21. Chumakov V.A. 2006. Rasshirenie ES i sfer vliyaniya evropeiskikh TNK v kontekste politiko-ekonomicheskikh interesov Rossii i SNG [Enlargement of the EU and spheres of influence of European transnational corporations in the context of the political and economic interests of Russia and the CIS]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 2, pp. 191–206. (In Russ.)

22. Kostyuk V.V, Makarov A.A. (eds.). 2011. *Energetika i geopolitika* [Energy and geopolitics]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

23. Entin M.L., Entina E.G. *Rossiya i Evropeiskii soyuz v 2011–2014 godakh: v poiskakh partnerskikh otnoshenii — V. Tom 1* [Russia and the European Union in 2011–2014: In search of partnerships — V. Vol. 1]. Moscow, 'E' Publ. (In Russ.)

24. Dimitrova I. 2010. EU-Russia energy diplomacy: 2010 and beyond? *Connections*, no. 4, vol. 9, pp. 1–16. DOI: 10.11610/Connections.9.4.01.

25. Espuny T. 2009. *EU-Russia energy dialog at the origin of the European foreign energy policy*. EU-Russia Centre Review. Iss. 9. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/105727/review_ix.pdf (accessed: 10.07.2022).

26. Goldthau A. 2008. Resurgent Russia? Rethinking Energy Inc. *Policy Review*, no. 147, pp. 53–63.

27. Hadfield A. 2008. EU-Russia energy relations: Aggregation and aggravation. *Journal of Contemporary European Studies*, no. 16 (2), pp. 231–248. DOI: 10.1080/14782800802309953.

28. Heinrich A., Kuszniir J. 2005. *Independent gas producers in Russia*. KICES Working Papers, no. 2. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2871401> (accessed: 19.04.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2871401.

29. Kaveshnikov N. 2010. The issue of energy security in relations between Russia and the European Union. *European Security*, vol. 19, no. 4, pp. 585–605. DOI: 10.1080/09662839.2010.531707.

30. Konoplyanik A. 2009. A common Russia-EU energy space: The new EU-Russia Partnership Agreement, Acquis Communautaire and the Energy Charter. *Journal of Energy & Natural Resources Law*, vol. 27, no. 2, pp. 258–291. DOI: 10.1080/02646811.2009.11435215.

31. Kustova I. 2015. EU-Russia energy relations, EU energy integration, and energy security: The state of the art and a roadmap for future research. *Journal of Contemporary European Research*, vol. 11, no. 3, pp. 287–295.

32. Likhachev V., Westphal K. 2017. *Russia-EU energy relations*. Russian International Affairs Council. Report No. 35/2017. Available at: <https://russian-council.ru/papers/Russia-EU-Energy-RIAC-DGAP-Report35en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

33. Locatelli C. 2013. Security challenges in EU-Russian gas relations. *Revue d'économie industrielle*, vol. 143, iss. 3, pp. 35–69. DOI: 10.4000/rei.5622.

34. Monaghan A., Montanaro-Jankovski L. 2006. *EU-Russia energy relations: The need for active engagement*. European Policy Centre, Issue Papers, no. 45. Available at: https://www.epc.eu/content/PDF/2006/EPC_Issue_Paper_45_EU-Russia_energy_relations.pdf (accessed: 19.04.2022).

35. Moshes A. 2009. *EU-Russia relations: Unfortunate continuity*. European issues, no. 129. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed: 19.04.2022).

36. Neuman M. 2010. EU-Russian energy relations after the 2004/2007 EU enlargement: An EU perspective. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 18, iss. 3, pp. 341–360. DOI: 10.1080/14782804.2010.507918.

37. Romanova T. 2014. Russian energy in the EU market: Bolstered institutions and their effects. *Energy Policy*, vol. 74, pp. 44–53. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.07.019.

38. Stern J., Dickel R., Hassanzadeh E. et al. 2014. *Reducing European dependence on Russian gas: Distinguishing natural gas security from geopolitics*. Oxford Institute for Energy Studies. Available at: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (accessed: 19.04.2022).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2022;
принята к публикации 10.08.2022

The paper was submitted 25.04.2022;
approved after reviewing 10.07.2022;
accepted for publication 10.08.2022